

Андрей Юрьевич Анисимов

Краски любви



Андрей Юрьевич Анисимов
Краски любви
Серия «Роман для девочек»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8957320*

Аннотация

Героиня книги, юная Катя, не желает быть девчонкой. Она предпочитает мальчишеский стиль одежды и записывается в секцию тайского бокса. Участвуя в похищении художника, Катя и не подозревает, что вовлечена в откровенное злодейство...

Неожиданно Катя влюбляется в художника и делает все, чтобы спасти его...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	44
Глава 9	50
Глава 10	55
Глава 11	60
Глава 12	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Андрей Анисимов

Краски любви

Глава 1

Катя

Катю раздражали девчонки. Вернее, ее бесило то, что она родилась не парнем. Ох, как же ей не хотелось быть девчонкой! И сейчас, оглядывая в большом зеркале ванной свою тощую подростковую фигуру, она придирчиво выискивала изменения в признаках принадлежности к женскому полу. К ее удовольствию, таковых не наблюдалось. Маленькие грудки торчали, как два прыщика, и никак не походили на женскую грудь. Между прочим, в Катином восьмом классе учатся девчонки, которых по внешним данным уже можно выдавать замуж. У Ленки Тарасовой грудь не умещается в майку. Мало того, Ленка, попросту говоря, кроссовки не видит, когда стоит, не наклонившись. Вот где мальчишкам раздолье! Как они только ее не называют, а на уроках физкультуры Ленка под придирчивыми взглядами одноклассников все время краснеет и чувствует себя препоганейше. А Машка Васильчикова уже успела сделать аборт. Хотя это мероприятие тщательно скрывалось, но в классе тем не менее все были

в курсе. Машку вовсе не беспокоили сплетни и намеки. Кате казалось, что та даже гордилась своей взрослостью и поглядывала на других девчонок со снисходительной иронией.

Ход Катиных мыслей прервал стук в дверь. Мама торопила ее:

– Дочка, не спи в ванной! Василий Петрович хочет принять душ. У него был трудный рабочий день.

– Мам, сейчас утро. Трудный рабочий день – это ночь в твоей спальне?

– Не смей дерзить! Сказано, поторопись, значит, освободи ванную комнату. И незачем демонстрировать свое остроумие... – раздраженно сказала мама и ушла на кухню.

Василия Петровича Катя терпеть не могла. Гладкий, полноватый, похожий на бабу мамин сожитель ничего плохого лично Кате не сделал. Даже подарочки дарил и старался наладить дружеские отношения. Костя – Катин брат – его тоже недолюбливал, но скрывал свои чувства. Костя учился в бизнес-колледже, куда его устроил Василий Петрович, и от него некоторым образом зависел. Это обстоятельство бесило Катю, хотя она не сомневалась, что при решении проблем их образования можно было совершенно спокойно обойтись без усилий отчима. Сами могли справиться. Да и вообще, она была уверена, что, если бы Бог создал ее парнем, она бы никогда не пошла учиться на лавочника. Катя не видела разницы между торговцем в ларьке и крупным бизнесменом. И те и другие говорили и думали только о деньгах, и Катьке

казалось, что вместо глаз у них счетные машинки. Еще Катя жалела папу. У папы глаза были звездные, он вообще был замечательный. Дочка никогда не стеснялась говорить с отцом на самые трудные темы. Она жаловалась папе, что не желает быть девчонкой. Папа улыбался и требовал аргументов.

– Девчонки, как вещи, принадлежат парням, а я не хочу становиться чьей-либо собственностью, – убежденно доказывала Катя.

Как-то в метро они с отцом проходили мимо целующихся мужчин. Катя остановилась и в упор стала разглядывать странную пару.

– Пойдем, это гадость, – сказал папа и потянул Катю за руку.

– Почему гадость? Они свободные люди и могут не скрываться... – уверенно заявила Катя, на что папа ей тихо возразил:

– Всякое извращение нормальному человеку неприятно. Но даже если снять эту тему, то, замечу, целоваться в метро неприлично.

– Ты, папа, ужасно старомоден. Неужели, если девчонка и парень целуются на улице, это плохо? – Кате очень хотелось знать мнение отца, но она предполагала, что он постарается уйти от ответа. Но папа не постарался:

– Поверь, девочка, если ты говоришь о любви, то это очень интимное чувство и его публичные проявления скорее свидетельствуют об игре на публику, чем об искренности. И на-

сторожат.

– Почему? – Кате казалось, что отец учит ее банальности.

Но папа продолжил свою мысль:

– Мне кажется, если человеку хочется демонстрировать любовь на площади, значит, самой любви нет, а есть желание привлечь к себе интерес. Ты просто не любила, поэтому давай отложим этот разговор... до того момента, когда ты испытаешь такое чувство.

– Выйдешь ты, наконец, из ванной? – мама почти кричала, и Катя запустила душ на полную мощность:

– Ты сама сказала, что сегодня наш день. Дай мне привести себя в порядок!

Мама, недовольно ворча, вновь растворилась в квартире. Катя была права. Сегодня в жизни ее и брата должно произойти необычайное событие. Вернее, ожидалось действие, которое предположительно повлияет на судьбу всех членов их семейства.

Катин папа не так давно работал старшим научным сотрудником в одном петербургском институте. Два года назад ему перестали платить зарплату. Сначала начали выдавать деньги с большими задержками, а потом и вовсе прекратили. Папа много времени стал проводить в стенах квартиры, и его звездные глаза с каждым месяцем становились все грустнее. Жить стало не на что, и мама пошла работать. Ее лучшая подруга помогла устроиться в фирму, где работал и Василий Петрович. Он был начальником. Нет, Василий Петрович не

был хозяином фирмы. Он так же, как и все, работал по договору, но в должности начальника над Катиной мамой. А папе предложили работу в Москве. Папа согласился и возвращался домой только на выходные. Так продолжалось некоторое время, пока однажды вечером к ним с цветами не пришел Василий Петрович. Пришел и остался, и с тех пор с ними живет. Мама в тот же вечер позвонила папе и сказала, что она вышла замуж и папе приезжать не нужно. Катя очень сильно переживала за папу и требовала, чтобы ей позволили с ним видеться. Ей никто не запрещал, но папа в Питер не приезжал. Костя тоже тосковал, но у него – в отличие от Кати – с сожителем мамы отношения сложились.

– Я не хочу быть гадиной, – заявила мама три дня назад. – Ваш отец приедет в воскресенье. Один из вас может жить у него. Вы уже большие и имеете право сами решать свою судьбу.

Сегодня как раз воскресенье. Катя вытерлась, накинула халатик и вышла в коридор. Навстречу ей в сторону ванной двигался Василий Петрович. Он был облачен в пижамные штаны и ничего больше. Катя оглядела рыхлую фигуру мужчины и про себя отметила: вот у кого настоящая женская грудь! И вправду, складки на груди Василия Петровича подергивались в такт его шагов.

– А он тоже будет? – спросила Катя у мамы, проводив отца взглядом.

– Ты о чем? – переспросила мама.

– Когда ты станешь нас делить, твой ухажер будет торчать на поле боя? – уточнила Катя.

– Не смей так говорить! – обозлилась мама. – Он не ухажер, а мой муж, и, должна тебе сказать, без его участия ваше образование осталось бы под большим вопросом.

– Папа же нашел работу!

– Работа и зарплата – не синонимы. У вашего отца денег не было, нет и не будет, – отрезала мама.

Самое обидное, что она была права. Катя прекрасно понимала, что папа получает и в Москве немного. Большая часть его заработка уходит на оплату съемной московской квартиры и одинокую столичную жизнь. Папа в быту всегда был неумехой. Все это Катя знала, но не уколоть маму каким-либо гадким словом о ее сожителе не могла.

– Да, Василий Петрович как член нашей семьи будет присутствовать при разговоре.

Папу пригласили к часу. Василий Петрович побрил свое женоподобное лицо, хотя Катя никогда не замечала, чтобы у него росла борода, и напялил костюмные брюки и рубашку с галстуком. Костя как был в футболке и джинсах, так в них и остался. Брат вчера добыл новую компьютерную игру и, уткнувшись в монитор, щелкал мышкой. Казалось, что де-леж их с сестрой между родителями его вообще не волновал. Мама подвела глаза и напудрилась, но осталась в домашнем платье.

Катя оделась как обычно: джинсы-комбинезон и ковбой-

ка. Свои вещи Катя, когда ей выдавали на это деньги, приобретала только в спортивных магазинах. Она ходила в секцию каратэ и старалась во всем походить на Геннадия Степановича, их тренера. А дядя Гена, как звали тренера ученики, одевался именно так.

Папа неловко топтался в прихожей.

– Тебя покормить или сразу к делу? – сухо спросила мама.

– Вообще-то я с утра не ел, – улыбнулся папа. Он не знал, зачем его пригласили. Мама только сообщила, что предстоит серьезный разговор о детях.

– Привет, па, – поздоровалась с отцом Катя, но на шею ему не бросилась.

– Вася, иди сюда, Я представлю тебя бывшему мужу, – позвала мама Василия Петровича.

Тот вышел.

– Василий Петрович, Сергей Андреевич, – представила мама мужчин друг другу, и ее новый муж протянул папе свою пухлую влажную ладонь.

Папу увели на кухню.

– Может, ты скажешь, в чем дело? – услышала Катя папин вопрос.

– Сначала поешь. Разговор серьезный. Я хочу, чтобы все члены нашей семьи приняли в нем участие, – ответила мама, и Катя ехидно хмыкнула про себя:

«Бедный папа, он и не подозревает, что его ждет». У Кати вдруг навернулись на глаза слезы. Временами ей казалось,

что она ненавидит маму. Ненавидит за то, что мама привела в дом эту бабу в мужском костюме, за то, что она ходит в коротких юбках и думает, что она девочка, а самой уже тридцать пять. В таком солидном возрасте, как казалось Кате, надо вести себя сдержаннее. Но, с другой стороны, Катя понимала, что мама костыми ляжет, лишь бы им с братом было хорошо. Бесплатное образование теперь оставалось только на словах. За всевозможные педагогические услуги приходилось платить. Одевать четырнадцатилетнего парня и пятнадцатилетнюю барышню, хотя Катя дорогих шмоток не признавала, все равно приходилось за немалые деньги. Катя однажды случайно слышала, как мама сказала подруге по телефону, что давно искала мужика, на которого можно опереться. Пусть Вася не красавец, но он надежный и не витает в облаках, как ее благоверный, а крепко стоит на земле. Катя понимала поступок мамы, но не одобряла его. Мало того, ей казалось, что она маму разлюбила.

Глава 2

Тренер

Стасу Журову было тошно. Человеку иногда бывает тошно без видимых причин. Конечно, если раскинуть мозгами, причины всегда отыщутся. Еще вчера Журов жил энергично и бодро, хотя поводов для хандры имелось не меньше. А вот сегодня в спортзале Стас валялся на мате и одним глазом с брезгливым выражением лица поглядывал на разминку своих «волчат». Пацаны прыгали, дубасили друг друга, делали растяжки. Короче, тренировались. И все это сопровождалось громкими выкриками.

– Петух, у тебя что – ноги к заднице гвоздями прибиты? – лениво поинтересовался тренер.

Петр Рыгов на минуту замер, после чего стал колотить грушу ногой в ускоренном темпе.

Собственно говоря, повод для хандры у тренера редкого для российских пенатов тайского бокса имелся всегда один и тот же – нехватка денег. Почему он, Стас Журов, ученик самого Лоо Тень Куня, должен ездить по городу на старенькой «восьмерке»? Давно пора пересесть хоть на «БМВ» или «Тойоту». Он же не просит «мерс». Почему его «мобильник» неделю назад отключили за неуплату? И это не все. Таких «почему» можно вспомнить сколько угодно. Самсон, ко-

гда уговаривал его не бросать «стаю», обещал, что все будет о'кей. И где этот «о'кей»? Даже «довески», которых Станислав Александрович держал для «дела», пользы не приносил. Среди его стаи только шесть волчат из десяти имели шанс «выйти на бабки». Их он осенью намеревался везти в Таиланд. Пусть там отработают его пот и кровь. А на кой черт он тратит время на бесперспективных ребят? Ни дела от них, ни денег.

Журов резко и пружинисто поднялся, вышел на середину зала и приказал:

– Ко мне на контакт. По одному.

Мальчишки разом прекратили свои занятия и выстроились в цепочку перед тренером. Первым оказался бритый Петр Рыгов по прозвищу Петух. Мальчишка сжался, набычился и бросился вперед. Один удар Журова – и парень с окровавленной губой шмякнулся на искусственное ковровое покрытие. Следом выпрыгнул Олег Губанов по кличке Кобра. Мальчишка продержался на несколько секунд дольше, но тоже был жестоко сбит тренером. Такая же участь постигла Лешу Протасова, Сашу Моргулина, Владика и Гену Пономаревых. Следом пошли «довески». С ними Журов поступил еще жестче. Сегодня тренер был не в духе, и ребята почувствовали это на собственной шкуре. Уложив всех, Журов встал над ними и раздраженно проговорил:

– Разозлитесь, шакалята, и – в контакт с друг другом. Нечего розовые слюни на ковер пускать. Уборщицу не дер-

жим.

Ребята по очереди поднимались и, сжав зубы, становились в боевую стойку. Журов снова плюхнулся на мат, отвернулся и, казалось, перестал замечать происходящее вокруг.

Стас Журов любил злых мальчишек. Добрые, по его мнению, всегда оказывались слабаками. Результатов от них не дождешься. А результаты Стас уважал и свою работу без них считал никчемной. Да и как иначе оценить тренерский труд?

Тайский бокс – довольно редкий спорт в России. Стас гордился, что таких знатоков «восточной драки», как он, в родном отечестве почти нет. За методы и жесткую требовательность Журова прозвали дрессировщиком, и кличка прилипла. Она Стасу даже нравилась, и на вопрос о своих занятиях он нередко отвечал: «Волчат дрессирую».

Десять пацанов от тринадцати до шестнадцати лет понемногу набирали форму. Шестеро и впрямь могли вырасти в настоящих бойцов, а четверых он держал возле себя по разным причинам. Никиту Козлова по кличке Козлик Стас терпел из-за отца. Банкир Козлов спонсировал Журова, оплачивал аренду зала и поездки на выступления. Гарика Саркисова Журов пригрел без видимой причины. Хотя почему же без причины? Кое-что за ним имелось... Отец Саркисова – уроженец Еревана – полулегально работал в подмосковном автосервисе. Саркисов-старший был феноменальным автомаляром. Он умел так работать, что после его покраски машина выглядела, как только что сошедшая с конвейера. Его

«художества» могли ввести в заблуждение даже опытных водителей. Журов ездил на старенькой «восьмерке», которая после сарки-совского подновления выглядела, словно из магазина. Так что как не уважить сына такого человека? Васька Щукин, вороватый и злой драчун, мог бы добиться больших успехов, но природная лень и чрезмерная самоуверенность ему мешали. Колька Бытин сам дрался скверно и на учебу был туп, но за Журова мог запросто убить кого угодно. Такого преданного человека оттолкнуть от себя Журов считал неверным.

Сам Стас из спорта ушел из-за травмы. Он каждый год ездил в Таиланд – на родину своей любимой спортивной дисциплины – и дрался там за деньги. Тайский наставник предупреждал своего русского ученика: бой за деньги быстро уничтожит в Журове талант спортсмена. Но Стас учителя не слушал. В одной из схваток с опытным и хитрым тайландцем по кличке Желтая Лихорадка он проиграл. И проиграл так, что остался с растяжением паховых мышц и выступать больше не смог. Тогда он и набрал свою «стаю».

Узнав, что известный спортсмен начинает учить новичков, Васька Щукин заявился первым, а с ним за компанию пришла его сестра Тамара. Ей было любопытно, что же это такое – восточные единоборства? Она, видимо, осталась довольна увиденным, потому что стала частенько заходить в спортзал. Чему Журов не препятствовал, хотя он терпеть не мог зрителей на тренировках, но для Тамары делал исключе-

ние. В нее Журов влюбился. И хоть взаимности не получил, но надежды не оставлял. А потому приходилось тащить за собой и Щукина. Тамара иногда приходила в зал, смотрела, как тренируются ребята, а потом уходила, не сказав ни слова Журову и не ответив на его шутки и заигрывания. Казалось, она не замечает тренера, а он тайком смотрел на нее. Тамара не пользовалась косметикой, ее темно-русые волосы росли, как им хотелось, и девушка нисколько ими не занималась. Мама Тамары и Васи работала парикмахером и держала небольшой салончик в переулках Старого Арбата. Может быть, именно профессия матери и привила девушке отвращение ко всяким женским выкрутасам.

– Хватит! Остыли, – приказал ребятам Журов, заметив, что те уж слишком вошли в раж. Он хотел распорядиться об окончании занятий и отправить команду в душ, но в этот момент в зал вошла Тамара. Журов смутился, поскольку только что о ней думал, и, чтобы скрыть смущение, подошел к Васе:

– Ты сегодня молоток. Удар держишь.

После этого тренер снова посмотрел на Тамару и только сейчас заметил, что девушка пришла не одна.

Глава 3

Семейный совет

Но и к папе у Кати возникло странное отношение.

С того дня, как в их квартире появился чужой мужчина, она каждый день ждала, ждала и надеялась, что папа ворвется в дом, схватит чужого дядьку за воротник и вышвырнет вон. Она не понимала, почему папа – сильный и смелый, умный и находчивый – ничего не предпринимает. Может, он испугался маминого начальника? Не может быть! Папа – не трус. А вдруг? Эти мысли не давали Кате покоя, она не спала ночами, мучаясь от своей беспомощности и чувствуя, как с каждым днем в ее душе нарастает чувство осуждения. Она не могла простить папе его бездействия.

Наконец все, за исключением брата, собрались в гостиной. Его так захватила новая игра, что он не мог оторваться от монитора.

– Костя, будь добр, выйди в гостиную, – громким и чужим голосом позвала мама.

– Здравствуй, пап, – неловко поздоровался брат и уселся на краешек стула.

Мама вышла на середину комнаты:

– Астахов... – обратилась она к папе по фамилии. – Я пригласила тебя, чтобы взаимно и честно решить вопрос наших

общих детей. Я бы предпочла, чтобы они оставались здесь. Но ты без детей страдаешь, и они достаточно большие, чтобы их мнение учитывалось при решении вопроса. Итак, я решила: кто захочет, сын или дочь, останется со мной. Я буду рада. Кто пожелает жить с отцом, возражать не буду. Пускай выбирают сами.

Катя следила за папой, точнее, она наблюдала, как меняется выражение его лица. Он все более и более изумлялся, его глаза расширились... и ей захотелось плакать. Но Катя сдержалась. Костя выслушал официальное заявление матери без всяких эмоций. Василий Петрович глядел в пол. Казалось, что у него что-то болит, но он это скрывает. В гостиной возникла неловкая пауза. Мама продолжала стоять в центре комнаты и поочередно оглядывала каждого из присутствующих. Ее лицо побледнело. Даже пудра не могла скрыть волнения, хотя мама старалась держаться, как на профсоюзном собрании.

– Я не слышу реакции, – обратилась мама к своему теперь уже бывшему мужу.

Катя заметила, как папа вздрогнул и растерянно заморгал.

– Какой ты ждешь реакции? – спросил он.

– Ты согласен с постановкой вопроса? Мне самой нелегко, но я так решила, – сказала мама.

Папа встал, прошелся по гостиной и сказал:

– Дура.

– Что?! – мама побледнела еще больше.

– Нет, ничего. Я только не понимаю, почему детский вопрос надо так странно решать. Зачем устраивать производственное совещание? Может быть, надо было просто с ними поговорить, а не доводить дело до голосования? Не проще ли спросить у детей? Решать-то ведь им.

– Не хочу, чтобы ты думал, будто я плету интриги. Пускай все происходит открыто. Видишь, я не уговариваю ребят. Вася, а ты что думаешь? – обратилась мама к новому мужу.

Тот не сразу понял, что от него хотят, но поднял голову и, оценив ситуацию, ответил:

– Любава, это твои или, точнее, ваши дети. Какое я могу иметь мнение? Останутся они с тобой, тебе будет хорошо и мне спокойно. Не останутся – тебе будет горько. И я расстроюсь.

Катю передергивало, когда Василий Петрович называл маму Любовью. Она скривила губы и поглядела на отца. Кате показалось, что папа улыбнулся.

– Костя, Катя, вам решать. Мы вас слушаем, – торжественно произнесла мама и подошла к Константину. Сын вертел в руках кубик Рубика и молчал. – Я к тебе обращаюсь? – мама еле сдерживалась, чтобы не расплакаться. Катя это понимала, но ей было маму абсолютно не жалко.

– Ма, я же учусь в бизнес-колледже. Как я могу ехать в Москву? – тихо произнес Костя.

У Кати чесались руки. Как ей хотелось дать брату по шее!

А впрочем, за что? Разве он мог сказать что-либо другое? Катя встала, подошла к отцу и сказала:

– Па, я поеду с тобой в Москву или туда, куда ты захочешь. Но ты должен мне обещать, что исполнишь одну мою просьбу.

– Если буду в силах, дочка, – ответил ей отец и в первый раз улыбнулся.

– Я так и думала, – как бы себе самой сказала мама и убежала из гостиной. Из спальни слышались ее истерические всхлипывания. Но через две минуты Любовь Аркадьевна вышла и, вытирая глаза платком, обратилась к Кате: – Можешь собираться, дочь. И знай, двери этого дома для тебя всегда открыты.

– Я давно собралась, – сообщила Катя и вынесла свой рюкзачок. – Папа, пошли, что ли?

Они брели по Лиговскому проспекту. Народу на воскресной улице встречалось мало. Беспризорные детишки, одетые в грязные зимние шапки и драные пальтишки, хотя майский день был жарким, мусолили папироску по очереди, и казалось, что они вовсе не видят Катю с ее папой, шагающих в сторону Московского вокзала.

«Господи, а я еще устраиваю трагедии. Вот бы меня на их место», – подумала Катя и прижалась к отцу.

Сергей Андреевич понял, чем вызван жест дочери, и молча взял ее за руку. Они переглянулись.

– Здравствуй, папка! – вдруг вскрикнула Катя и повисла

на плечах отца.

– Здравствуй, моя хорошая, – прошептал Сергей Андреевич и крепко сжал девочку в объятьях.

В Москву они ехали дневным поездом «Аврора». Так рано в воскресенье желающих уехать из Питера не наблюдалось. В купе, рассчитанном на шесть сидячих мест, отец и дочь ехали в новую жизнь вдвоем. Когда проводница принесла чай, отец отхлебнул из стакана и, подмигнув Кате, спросил:

– Что за условие ты мне поставила?

– Я в сентябре пойду в новую школу? – вопросом на вопрос ответила дочь.

– Конечно. Я же не смогу из Петербурга перевезти твою школу в Москву.

– Понимаю, – согласилась Катя и на минуту замолчала. Потом решила: – Я пойду в новую школу мальчиком.

– Как это мальчиком? – не понял Сергей Андреевич.

– Очень просто. Я теперь Константин Астахов. Вот и все.

Отец постарался сдержать улыбку:

– Но ты же девочка.

– Посмотрим, когда я поработаю над своей внешностью, что ты скажешь. – И, взглянув на отца, добавила: – Не бойся, новую одежду не попрошу. И моя годится. По рукам?

– Я обещал, – покачал головой отец и отвернулся к окну, чтобы дочка, не видела его смеющихся глаз. Сергей Андреевич понимал: для дочери это важно и не хотел обидеть ее

насмешкой. В конце концов, все это блажь, и он не сомневался, что рано или поздно дочь перестанет помышлять о глупостях.

– Па, а почему ты его не убил? Струсил? – задала наконец Катя давно мучивший ее вопрос.

Поезд стоял на станции Бологое. У вагона бабки торговали вяленой рыбой и пирожками.

– Схожу куплю нам пирожков. Я пробовал... вкусные, – Сергей Андреевич поднялся и вышел из купе.

Когда проехали Тверь, Катя снова спросила:

– Отец, ты струсил? Почему ты его не убил?

– Кого я должен был убить? – в свою очередь поинтересовался Сергей Андреевич.

– Как кого? Этого противного Василия Петровича.

– А за что? – удивился отец.

– Неужели непонятно? – Кате хотелось кричать. – У тебя увели жену, а ты подаешь ему руку.

– Мама – свободный человек. Она имеет право жить с тем, кто ей нужен. Мама – не вещь, принадлежавшая мне, а взрослый человек. Почему я должен убивать мужчину ее выбора? Если она от меня ушла, значит, я сам что-то не сумел сделать так, как надо, а раз не сумел, то и винить некого.

Катя отвернулась к окну. Она пыталась осмыслить то, что сказал папа. Ведь он сказал слова, которые должны были изменить ее отношение к проблеме женского пола. Значит, он никогда не считал маму вещью и не думал, что мама принад-

лежит ему? Странно. Катя глядела, как мимо проплывают деревеньки и смешные курятники садовых домиков. Потом долго тянулся лес. Внезапно он расступился, открыв большую воду. В сумрачной водной глади отражались розовые закатные облака.

– Где мы едем? – спросила Катя.

– Это Московское море. Скоро будет Завидово. Интересное место.

– Чем? – машинально поинтересовалась Катя, продолжая думать о чем-то своем.

– Здесь охотятся все наши правители и иностранные дипломаты, – пояснил Сергей Андреевич.

– А-а-а... – равнодушно протянула Катя.

Очень странные слова о маме все же сказал папа.... Неужели он и вправду так думает? Может быть. Но ее папа особенный, таких на свете больше нет. Уж ей-то наверняка такой мужчина не встретится.

В Москве моросил мелкий дождик. Катя с трудом пробралась сквозь турникет московского метро. Тут было все по-другому, и Катя не успела понять разницы. Она шла машинально, как во сне. Все за нее сделал папа.

Глава 4

Визит в стаю

Рядом с Васиной сестрой стоял длинный худой подросток лет пятнадцати.

– Жениха привела? – спросил Журов, мрачняя.

– Приятеля. Для жениха – малолетка, – ответила Тамара и добавила: – К тебе желает. Тренироваться.

Ребята с любопытством обступили новенького.

– Кишка, – поделился своим первым впечатлением с товарищами Лешка Протасов.

Олег Губанов хмыкнул:

– Стручок зеленый, а не кишка. Интеллигентный юноша из приличной семьи... Страсть как люблю таких молотить, – сообщил Козлик.

– Поживем, увидим, – тихо, сквозь зубы, пообещал новенький.

– Ну-ну, – промычал Журов и, оглядев парня с ног до головы, спросил: – Видиков насмотрелся?

– Он из Питера. Говорит, там тренировался. Отца в Москву перевели. Вот он здесь теперь учителя ищет, – ответила Тамара за новенького.

Журов подошел к парнишке поближе и неожиданно сделал левой ногой выпад к его подбородку. Тот легко ушел от

удара и опять стал молча и равнодушно оглядываться. Журов решил подцепить его открытой ладонью справа. Парень опять легко увернулся и снова замер, демонстрируя явное безразличие.

– Губанов, сюда! – крикнул тренер.

Губанов был старше и физически сильнее всех остальных. Рядом с ним новенький казался тростинкой.

– Проверь его на легкий контактик, – приказал он, а сам взял под руку Тамару и отвел в сторону. Тамара руку высвободила, но не сразу. Это Журов про себя с удовольствием отметил. «Привыкает...» – подумал он и уставился на готовую к поединку пару.

– Как зовут твою малолетку? – спросил он Тамару.

– Костей, – ответила девушка.

Губанов шел напролом. Но от его ударов новенький уходил без труда, и так продолжалось секунд десять. Неожиданно Губанов получил ногой в пах. Он так увлекся нападением, что не ожидал от этого тощего подростка молниеносной атаки. Но атака произошла и заставила Олега на секунду скорчиться от боли. Этой секунды хватило, чтобы новенький обработал коленкой его голову. Тренер понял: малец не без техники, но физически слабоват. Если бы его удары были посильнее, Олег давно бы оказался на полу.

– Не кишка и не стручок, а хлыст, – сделал вывод Петр Рыгов.

– Точно, хлыст, – подхватили ребята.

Кличка новенькому была определена.

– Ладно.... Остыньте, – остановил тренер схватку и пригласил новенького к себе в кабинет.

– Я больше не нужна? – спросила Тамара у своего протеже и, получив утвердительный ответ, не попрощавшись с Журовым, направилась к выходу.

– Могла бы и задержаться... – пробурчал Стас ей вслед, но ответа не дождался. Девушка лишь на мгновение повернулась и, вопросительно взглянув на Журова, вышла из зала.

– Тебя Костей звать, звереныш? – поинтересовался тренер и, получив утвердительный кивок, спросил: – У кого ты в Питере занимался?

– У Пантелеева Геннадия Степановича, – ответил Костя.

– Слышал. Каратист, результат дает. Только я работаю чистый тайский бокс. Понял? – сказал Журов.

Парень опять утвердительно кивнул.

– Чего ты, как баран, башкой машешь? – обозлился Журов, но тут же успокоился: – Всем в душ и по домам, – приказал он ребятам, которые с любопытством прислушивались к разговору с новеньким, просунув головы в дверь кабинета.

Головы исчезли. Журов помолчал, словно обдумывая, как поступить с Костей:

– Мы работаем так. Хочешь драться для собственного удовольствия – стольник в неделю приносишь. Будешь готовиться к профессиональным схваткам – учу бесплатно. Понял?

– Угу, – ответил новенький Костя.

– Что такое «угу»? – поднял бровь Журов.

– Понял, – уточнил Костя.

– Понял, тогда поясни, – потребовал Журов.

– Понял. Или платить и тогда так, или не платить, тогда не так...

– Ты мне дурака не валяй. Повторяю. Если я тебя учу за свой счет, едешь, куда я скажу, и дерешься, с кем скажу. За победу будешь получать бабки. За поражение – сам добавлю. Это ясно?

– Угу, – ответил Костя.

– Послезавтра в шесть – как штык, – предупредил Журов и, еще раз, оглядев худую фигуру парня, сообщил: – Экипировочку подыщи, в обычных шмотках работать нельзя. Не принято.

До метро Катя мчалась, подпрыгивая от радости. Понимала, что ей повезло. Сегодня парни устали после тренировки, оттого она и сумела себя показать. Тот же Губанов в другой момент легко бы с ней расправился. Олег нормально подготовлен и много сильнее ее физически. Что ж, удачный день, ничего не скажешь.

С самого утра у Кати все сложилось как нельзя лучше. Чисто случайно она оказалась около маленького парикмахерского салона в Скатертном переулке. Решила зайти. Ей надо было подстричься, но сразу сесть в кресло она не решилась и сначала долго следила за работой мастера. Ей очень

понравилось, как парикмахерша разделалась с подростком. Клиент в коже, обвешанный медными и железными бляшками, буквально преобразился на ее глазах. Фантастика, да и только. Мастеру помогала девица. По внешнему сходству Катя догадалась, что это работают мать и дочь.

– Сделайте из меня мальчика, – попросила она.

Евгения Анатольевна умела понять клиента. Пока мастер колдовала над прической Кати, ее дочь Тамара, очень развеселившаяся от Катиного желания превратиться в парня, оживленно болтала с ней на разные темы и, между прочим, упомянула об увлечении брата. Услышав о тайском боксе, столь редком для России виде восточных единоборств, Катя уговорила девушку представить ее тренеру. Тамара легко пошла на приключение. Идея разыграть Стаса пришлась ей по вкусу. Его самоуверенность Тамару раздражала, а ухаживания смешили и надоедали. Так почему бы не помочь парню? Ой, да что же это? Девчонке, конечно же. Пусть придет к Стасу, а там...

Глава 5

Катя-Костя, Костя-Катя...

Сергей Андреевич Астахов снимал небольшую однукомнатную квартиру в районе Волгоградского проспекта. Промышленный край столицы не относился к престижным элитным кварталам, поэтому жилье там сдавалось недорого. Из окон его квартирки можно было любоваться дымом из труб местной ТЭЦ, а форточку рекомендовалось открывать пореже.

Катя первый день самостоятельно провела в Москве и теперь с трудом отыскивала свое жилище. Два раза она по ошибке поднималась на четвертый этаж, но двери, обитой коричневым дерматином, не обнаружила. Оказывается, Катя спутала дома. Облезлые пятиэтажки и впрямь были похожи друг на друга, как близнецы, различить их было непросто.

Когда Катя все-таки попала домой, Сергей Андреевич ее с трудом признал. Реакция родителя Катю порадовала. Не зря она истратила недельный запас карманных денег!

– Как я тебе? – поинтересовалась дочка.

– Ночью встретишь – шарахнешься, – успокоил ее отец.

– Па, я сегодня парня сделала, – похвалилась Катя.

– Как сделала? – не понял Сергей Андреевич.

– Так. Коленкой в морду. Я теперь три раза в неделю стану

на тренировки ходить. Тайским боксером заделаюсь, – отпартовала она и потребовала есть.

Голод Катя скопила жуткий. Она моментально проглотила пельмени, бутерброды с сыром и маленький торт по имени «Трюфель», припасенный отцом для первого московского вечера. Закончив жевать, она вдруг сообразила – отцу-то лакомства не осталось!

– Па, прости. Я все смолотила... – растерялась Катя.

Сергей Андреевич рассмеялся и заверил, что к тортам абсолютно равнодушен. Склонность дочери к драчливым видам спорта он не одобрял, но мнение свое держал при себе. Устраивая Кате постель на узком диванчике, отец вздохнул и тихо сказал:

– Смотри, доиграешься. Отколотят тебя. А еще хуже – неправильно поймут.

– Па, не нуди. Ты же обещал... – пристыдила его дочка.

– Хорошо, барышня. Больше не буду.

– Сколько раз тебе говорить, я не барышня, а твой сын Костя! Любой нормальный мужчина мечтает о сыне, а ты недоволен.

– Да. Конечно, Катя-Костя, Костя-Катя... – согласился родитель и принялся раздвигать кресло. Раздвижной спальный агрегат становился его постоянным местом ночлега.

Первый совместный день московской жизни отца и дочери подходил к концу.

Глава 6

Любитель живописи

Самсон Гуревич по кличке Гнусняк ехал на своем «Фольксвагене» по осевой. Нельзя сказать, чтобы он куда-либо опаздывал, просто Гнусняк был в ярости и не мог спокойно торчать в пробках. Злость Самсона объяснялась негативным разговором с художником Крюковым. «Подонок, мразь, ничтожество» – эти эпитеты были далеко не самыми острыми в том наборе слов, которые произносил про себя Самсон Гуревич в адрес художника. Торговец «прекрасным» знал куда более затейливые выражения. Ругаться Самсон научился с двенадцати лет у отчима. Тот, приходя домой после очередного дежурства, долго и грязно вслух излагал свои мысли, если не находил оставленной для него еды в огромном количестве. Отчим служил во вневедомственной охране, много и часто пил. Мать его побаивалась. Когда отчим помер, Самсон так обрадовался, что на поминках не мог скрыть улыбки. Рот его растягивался сам собой. И, даже понимая неуместность своей радости, сдерживать ее Самсону не удавалось.

Теперь на Гуревича работал огромный невидимый штат. Его сотрудники не были официальными служащими, они даже не все знали, на кого работают. Много лет прошло с

тех пор, когда жалким подростком Самсон Гуревич слушал грязные ругательства отчима и боялся его разозлить. Сегодня Самсон возвращался в собственный особняк.

Негодование в адрес Крюкова заставило Самсона два раза заплатить штраф за нарушение правил дорожного движения. Доставая из бумажника десятидолларовые бумажки, которые моментально исчезали в недрах кармана инспектора, Гнусняк с новой силой злился и опять нарушал. Слава Богу, ехать было недалеко, иначе – труба дело! Так и без средств к существованию недолго остаться...

А средства к существованию для Гуревича значили очень даже немало. Жил Гнусняк в Малаховке в новом кирпичном доме. Подобное жилье с башенками, овальными окошками-бойницами из красного кирпича и прочими архитектурными излишествами в настоящий момент считалось «писком» моды у новых русских. Хотя даже с приставкой «новый» Самсон на русского смахивал мало. Его часто из-за фамилии принимали за еврея, но на самом деле Гуревич по отцу был поляком, а по матери – молдаванином. Дивное сочетание! Скорее всего он подобрал в себя самые омерзительные качества этих двух прекрасных народов, или генетический гибрид вместо плюса выдал минус. Самсон был жаден, хитер как черт и очень завистлив. Потеря даже предполагаемого дохода надолго выводила Гнусняка из нормального человеческого состояния.

Самсон жил холостяком. В свои сорок он боялся женить-

бой расстроить состояние и быть обобраным. Гнусняк был уверен, что все женщины и девушки на свете созданы для его беды. Они собираются его охмурить, обмануть и разорить. Он имел роскошное авто, но от жадности ездил на стареньком микроавтобусе марки «Фольксваген». Правда, это было удобно, потому что Гнусняк имел возможность грузить туда иконы и картины, которые скупал по дешевке везде, где мог, а иногда и попросту обманом выманивал у наивных стариков. Наивных стариков становилось все меньше, что тоже злило Самсона и портило ему кровь. Заработок менее трехсот процентов с одной единицы товара казался ему Нестоящим.

Самсон выехал за город и понесся по шоссе до указателя «Аэропорт Быково». Там он свернул с эстакады и по битому асфальту вырулил на дорогу к аэропорту. Проехав незамерзающую вонючую речку Пехорку, Гнусняк повернул налево и через пять минут засигналил у ворот своего дворца.

Массивные металлические ворота открыл Тарзан – горбатый брюнет с длинными, как у гориллы, руками. Самсон держал работника за еду. Денег Тарзану Гнусняк не платил, но кормил, а иногда еще и покупал бутылку водки или одежду в магазине «сэконд хэнд». Одинокий горбун пришел к Самсону сам. Что связывало этих двух людей, сказать трудно, но Тарзан по-собачьи был предан хозяину и дом стерег рьяно. Самсон обругал горбуна и быстрой походкой мелкими шагами отправился на кухню. Выпив рюмку коньяка и закусив

безвкусовой иноземной ветчиной, он уселся в кресло и задумался.

Художник Крюков великолепно копировал больших мастеров. Он также умел старить холсты, пользуясь собственными красками, приготовленными по старинным рецептам. Правда, Крюков из принципа или по недомыслию (что вряд ли, ибо любой здравомыслящий человек в состоянии сообразить, для чего Гнусняку нужны копии) никогда не подделывал подписи. Для этого Гнусняк имел жулика по кличке Фокусник. Настоящего имени Фокусника никто не знал, хотя едва ли кого-нибудь эта проблема волновала. Фокусник не умел ничего, кроме как подделывать чужой почерк. Но, заметьте, и это не так уж мало! Он ставил имена и фамилии на картинах, завещаниях и доверенностях. И даже криминалистическая экспертиза не всегда определяла подлог. Так что его умение ценилось в соответствующих кругах чрезвычайно высоко. Такого мастера еще поискать надо! Бизнес с подделками Гнусняк мог поставить на широкую ногу, если бы не Крюков с его манией величия. Художник, видите ли, желал работать над собственными произведениями, которые ни черта не стоили, вместо того, чтобы размножать шедевры известных мастеров.

Технология жульничества была весьма проста. Гнусняк выуживал адреса коллекционеров. За небольшую плату запускал туда Крюкова, и тот копировал нужные полотна. Затем Гнусняк через своих агентов по Интернету оповещал лю-

бителей живописи со всего света, что он у такого-то коллекционера выкупил шедевр, и недвусмысленно намекал, что теперь готов с ним расстаться. Перепродажа живописи втихую от властей – дело, отработанное веками. Чем дороже картина, чем ценнее она для государства или частного любителя, тем сильнее хотят приобрести ее криминальные ценители антиквариата. А поскольку вывозу за границу шедевр не подлежал, иностранные граждане, тайно вывезшие картинку, на аукционы выставлять ее опасались. И что это значит? А то, что уличить Гнусняка в откровенном жульничестве они не могли. В редких случаях провала, которые все же случались, Самсон моментально перекладывал с себя вину за содеянное на того, у кого он якобы купил картину, и впадал в истерику, выставя себя жертвой. А поскольку он изначально просил с покупателя примерно треть цены шедевра, то и особых претензий не ожидал. Но треть цены за картинку Рубенса или Ренуара тем не менее имела много «зеленых» валютных нулей.

Самсон застыл в кресле, наливаясь злобой. Мысль его работала в одном направлении – как заставить гада Крюкова днем и ночью копировать старых мастеров. Самое обидное для Гнусняка было то, что Крюкову он довольно сносно платил за работу.

Размышления мстительного и пакостного характера по адресу злополучного живописца прервал мелодичный перезвон мобильного телефона. Гнусняк включил трубку и услы-

шал голос спортсмена Журова. Самсон поначалу хотел наорать на тренера, поскольку тот наверняка собирался просить денег. Гнусняк в таких случаях предпочитал нападать первым. Он знал множество способов обругать человека, пока тот еще не успел открыть рта. Но внезапно он передумал и довольно миролюбиво поздоровался:

– Привет, Стасик.

– Я весь в дерьме, – сообщил спортсмен.

Самсон не удивился, но не стал выслушивать привычных стенаний Журова, а пригласил его к себе:

– Мы давно не балакали. Приезжай. Тарзан сварит картошечки, примем по рюмахе и кое-что обмозгуем.

Журов, не ожидавший подобного тепла от своего жадного покровителя, уговаривать себя не заставил. Через сорок минут его «восьмерка» дудонила у ворот Гнусняка.

Глава 7

Катя получает работу

Катя проснулась поздно. Отец давно уехал на работу. Девочка нехотя встала, прошла босиком по квартире. В малюсенькой, совмещенной с туалетом, ванной заглянула в маленькое зеркало и увидела белесый чуб, торчащий над сонными глазами. В зеркале петербургского дома она могла оглядывать себя целиком и делала это ежедневно. Теперь с этим возникли проблемы. А более всего Катю теперь беспокоили изменения в ее девичьей фигуре. В зеркале московской пятиэтажки за этими изменениями следить оказалось непросто.

Она умылась и проследовала на кухню. На кухонном столе обнаружилась записка, из которой Катя выяснила, где можно взять сосиски и заварку для чая. Хлеб и молоко отец предлагал Кате купить самой. Для этого рядом с запиской лежали деньги. Денег было раза в три больше, чем требовали покупки, и Катя улыбнулась, подумав об отце с благодарностью. Перед завтраком она долго и изнурительно истязала себя разными упражнениями. Закончив зарядку, приняла душ, напялила джинсы и рубашку и, прихватив пакет, побегала в магазин. В парадном курили мальчишки. Один загородил Кате дорогу. Она попробовала обойти парня, но тот

подвинулся и снова встал на ее пути.

– Пусти, болван, – сказала Катя.

– Гляди, а он хамит, – продолжил подросток и пихнул Катю в грудь.

Двое других наблюдали за происходящим молча, но с интересом. Катя мгновенным ударом сшибла подростка и отправилась дальше. Компания не успела опомниться, как она уже вышла из подъезда. Возвращаясь с молоком и хлебом, Катя поняла, что ее ждут. Начинать жизнь в доме с драки не стоило, но выхода не было. Сама решила стать пацаном, а у ребят законы свои. «Что делать с пакетом?» – быстро промелькнула мысль.

У входа в подъезд теперь стояли все трое. По злым и насупленным лицам мальчишек было нетрудно догадаться об их намерениях.

– Ты чего в нашем доме делаешь? – спросил бритый наголо, приземистый подросток.

Он был ниже всех, но с точки зрения драки и опаснее всех. Катя поняла – начинать надо с него. Парни пошли на нее строем. Правой ногой она легко достала до подбородка приземистого. Зубы у него щелкнули, парень прикусил язык и покачнулся. Второго Катя выбила ударом ладони в шею. Третий попятился сам. Дорога была свободна. Но Катя никуда не пошла. Она остановилась возле усевшегося на ступеньках приземистого и протянула ему руку:

– Вставай, сосед, и больше со мной не связывайся.

Тот неожиданно улыбнулся и подал Кате руку:

– Кирилл, – представился парень.

Двое других последовали его примеру. Второго звали Виталием, третьего – Саней. Когда знакомство состоялось, ребята предложили Кате погулять вечером:

– Мы вчетвером тут всех раскидаем, – пообещали они.

Катя сказала, что про свой сегодняшний вечер пока ничего не знает, но в принципе провести вечер в их компании она не против. Весело насвистывая, она поднялась к себе на четвертый этаж и с аппетитом позавтракала. После завтрака Катя врубила на полную громкость телевизор. Один из каналов передавал молодежную музыку. Выступала питерская группа, которая Кате нравилась. Через минуту справа и слева раздался стук в стены. Катя поняла, что соседям ее музыкальные пристрастия несимпатичны, она убавила звук, распахнула окно и почти по пояс свесилась наружу. Внизу смешной лысый толстяк намывал желтый «жигуленок». Кате очень захотелось налить в чашку воды и плескаться толстяку на лысину. Дома, возможно, она бы это желание и исполнила, но тут, среди незнакомых людей, постеснялась.

В книжном шкафу стояли скучные тома литературных классиков. Катя взяла томик Джека Лондона и раскрыла наугад. «Всех пассажиров попросили разместиться на одной стороне вагона, а мы, громко лязгая цепями, разместились на другой», – прочла девочка. Ей стало интересно, и она принялась читать дальше: «Мы сидели прямо напротив них, и я

как сейчас помню выражение ужаса на лицах женщин, которые, наверное, приняли нас за осужденных на каторгу убийц и банковских громил».

Катя нашла начало. Рассказ назывался «Сцапали». В нем Джек Лондон делился своими впечатлениями о первом тюремном опыте. Катя не заметила, как прочла рассказ от первого слова до последнего. «Вполне прикольная вещь», – решила она и дала себе слово почитать еще что-нибудь у Джека Лондона. Погода стояла отвратительная, но и сидеть дома ей больше не хотелось.

Вход в московское метро отличается от питерского. Дома Катя бросала жетон в щель, после чего трезубец турникета сдвигался вниз и пропускал пассажира. Москвичам этот трезубец казался коварным капканом, цепляющим их одежду и сумки. А в московской кассе Кате вместо жетона выдали карту. Катя не знала, как ею пользоваться. Она посто-яла в сторонке и поглядела, как москвичи засовывают свою карточку в щель автомата. Карта исчезала в узкой прорези и моментально выскакивала сверху. Карту надо было вынуть, иначе захлопывались створки. Высмотрев весь процесс, Катя легко справилась с поставленной задачей и, миновав проход турникета, очутилась на эскалаторе. Конечно, московское метро гораздо интереснее питерского и богаче оформлено. На станции «Киевская» Катя пристроилась к группе пожилых англичан и вместе с иноземными старичками слушала экскурсовода. Англичане, словно стая гусей, вытянув голо-

вы, поворачивались вслед за рассказом гида, разглядывая мозаику на потолке и стенах. «Похожи на смешных птиц», — подумала Катя о туристах и вошла в вагон.

Так она обследовала несколько станций и на каждой находила что-то новое и интересное. Парочек на скамейках московского метро хватало. В этом подземки двух столиц мало разнились. Только публика в московском метро попадалась разношерстнее. Тут встречались и негры, и цыгане. В одном из переходов играл целый джазовый оркестр. Катя остановилась возле ребят и прослушала весь репертуар. Играл оркестр классно, и в раскрытый чемоданчик то и дело летели монеты, а иногда и купюры. Катя кивнула ребятам и пошла дальше. Ей ответили. Парень с длинной перевязанной косой помахал ей на прощание.

Катя понемногу привыкала к тому, что она Костя. Ей несколько раз говорили в вагоне: «Мальчик» или «Молодой человек, на следующей выходите?» Кате это импонировало. Даже походка у нее изменилась, она шла уверенно, ставя ногу на всю ступню.

Совершенно неожиданно Катя вновь оказалась на Арбате. Тренировку сегодня никто не назначал, но Катя решила заглянуть в зал. Там она увидела тренера. Журов сам молотил грушу и не заметил своего ученика. Катя уже хотела уходить, когда в дверях показался Олег Губанов, которому Катя вчера дала коленкой по голове. С Губановым пришел Петр Рыгов. Тренер увидел ребят и удивленно уставился на Катю:

– А тебя кто звал?

– Шел мимо и заглянул, – ответила она.

– Кобра, почему нет Васьки? – обратился тренер к Олегу.

– Ждали, не пришел. Звонили, дома никто не отвечает, – сказал Губанов.

Журов задумался. Завтра Гнусняк желал видеть ребят, отобранных для работы с художником. Самсон не доверял спортсмену. Он желал лично посмотреть на волчат, «пощупать» их, проверить на прочность. Гнусняк первый раз решился на бандитскую акцию, хотя, подкармливая Журова, предполагал как-нибудь в будущем использовать его стаю. Но, когда момент настал, Гнусняк заволновался и пожелал лично контролировать операцию. Новенький мальчишка Журову показался не очень сильным, но злым, пожалуй, даже сверх меры. А для выполнения задания Самсона это как раз то, что нужно. Важно не допустить сдюнтяйства. Когда ребята бьются в зале, это азарт спортивный и злость спортивная. А в данном случае нужны волчата в прямом, а не спортивном смысле. В отличие от Гнусняка Журов о своей шкуре не пекся. Он не умел планировать далеко вперед, его нервная система особой сложностью и тонкой структурой не отличалась, а потому сбоев и волнений не знала. Даже в Таиланде, выходя для схватки с незнакомым противником, Журов волнения не испытывал. Он судорожно подсчитывал сумму возможного гонорара. Это занятие занимало спортсмена целиком и для других чувств места не оставляло.

– Хочешь, Костя, подработать? – спросил тренер Катю.

– Кто ж не хочет? – ответила Катя.

– Работа не для сопляков. Настоящее мужское дело, – предупредил Журов.

Катя молча кивнула.

– Хорошо. Завтра в десять вечера собираемся здесь. Ночевать домой не пойдете. Придется жить вне дома. Предкам соврите, будто едете на сборы или соревнования. Короче говоря, вешайте родственникам лапшу на уши, но не переставайте. Оденьтесь неброско, ничего для тренировок не берите. Жратвы немного не помешает, – сказав так много слов, Журов утомился и смолк. Затем порылся в карманах и достал три бумажки по Пять долларов: – Вот вам аванс. Такие деньги будете получать ежедневно, если не смажете дело.

Из зала ребята вышли все вместе. Дойдя до перекрестка, Губанов остановился и сказал:

– Неплохо бы знакомство отметить. Как-никак завтра на дело идем. Пошли в «Макдоналдс».

Глава 8

Только родственников из Польши здесь не хватало!

Самсон сам впустил машину в ворота и, поздоровавшись с Журовым за руку, пригласил на кухню. Там уже парила картошка, и в длинном перламутровом фарфоре для рыбы дожидалась своей очереди селедка, порезанная крупными ломтями. Селедку на прошлой неделе не доели родственники Самсона, и теперь он намеревался скормить ее спортсмену. В графин с серебряной крышечкой Гнусняк слил остатки спиртного из разных бутылок и коктейль, который при этом получился, сам пить не предполагал. Разлив по рюмкам сложную смесь, Самсон чокнулся с гостем и с любопытством проследил за реакцией Журова.

Стас особым гурманством никогда не отличался, а потому, спокойно проглотив напиток, чинно и степенно подцепил на вилку кусок селедки. Отправив бесхитростную закуску по прямому назначению, он набил рот картошкой и заговорил:

– Я, Самсон, на мели. Знаешь, что такое сидеть без бабок? Ты не знаешь. Ты давно забыл, как жить, не имея на бак бензина. А я должен держать себя в форме, да и стая денег стоит.

– А твой Козел? Что, не доится? – поинтересовался Гнус-

няк, ковырнув селедку и оставив ее на прежнем месте. Хозяин успел поесть до приезда гостя и чувства голода не испытывал.

– Козел аренду платит, форму новую ребятам купил, но живых бабок от него не обломится. Мне жить надо, – пожаловался Журов.

– А зарплата? – продолжал допрос Гуревич.

– Триста баксов в месяц!? Попробуй, поживи... – уныло предложил Журов, отправляя в рот новую порцию закуски.

Гнусняк наполнил его рюмку и, сочувственно помычав, сказал:

– Если твои волчата готовы потрудиться – деньжата будут.

– Что за дело? – живо откликнулся Журов.

– Работа не пыльная. Надо одного мазилу запихнуть в мой дом, охранять и заставить поработать. Ну и... там, разные мелочи. Картинку ему привезти, потом отвезти обратно. И все с закрытым ротиком. Дело простое, но требует тишины. Справятся пацаны? – Гнусняк чуть напрягся в ожидании ответа.

Журов перестал жевать, немного подумал и спросил:

– Сколько?

– Пятьдесят баксов в день, – ответил Гнусняк и сам испугался своей щедрости.

– Мало, – сказал Журов.

– Ничего себе запросики! – возмутился Гнусняк.

– Но ты сам подумай, Самсуня, ребяташек кормить на-

до. Транспорт, бензин, немного бабuleк на карман – что мне останется? Прокормить десяток волчат – это не шутка!

– Зачем десяток?! – вскрикнул Гнусняк. – Трoих с лихвой хватит. Он же художник, а не каратист.

– Отлупить его и один сможет, – согласился Журов. – Но караулить надо постоянно, а значит, сидеть с ним по сменам. Не может же один парень сутками возле твоего живописца торчать.

Самсон на минуту задумался, забывшись, выпил рюмку своего «коктейля», после чего поморщился и, сплюнув, сказал:

– Отберешь трoих. Тех, кто базарить не любит. Пацаны разговоры вести с мазилой не должны. Эти трое будут при нем неотступно. Других в дело не посвящать. Родителям скажешь, что отправил пацанов на соревнования, или еще чего наплетешь. Пятерик добавлю. Пятьдесят пять баксиков на каждого и ни копейки больше.

– А на сколько дней рассчитывать? – смирившись с суммой оплаты, поинтересовался Журов.

– Пока не знаю... Может, неделю, может, месяц, – ответил Гнусняк и, скривившись, полез в бумажник: – Вот тебе стольник вперед. Захват и перевозка, считай, оплачены. Теперь о мазиле...

Мужчины проговорили еще с полчаса, затем Журов попрощался и укатил. Самсон после отъезда тренера заметно повеселел, вызвав горбуна, он велел приготовить баню. Не

успел Тарзан покинуть кухню, как зазвонил мобильный телефон, и Самсон взял трубку.

– Ты меня слышишь? – спросил мужской голос с заметным южным акцентом.

– Никак Павло?! – вскрикнул Гнусняк, узнав по голосу брата. Павло жил в своем доме под Кишиневом и проявлялся крайне редко. Брат Самсона торговал винами и был весьма состоятельным предпринимателем.

– Ты собираешься в Москву? – поинтересовался Гнусняк у брата и с облегчением вздохнул, узнав, что тот и не думает его тревожить. Но он, бедняга, позабыл в тот момент, что у него имеются еще некоторые родственники.

– Дело вовсе не во мне, – сообщил Павло. – Наша племянница из Закопан надумала поступать в Кишиневский университет. Приехала, покрутилась и передумала. Ей молдавский учить неохота. Теперь желает поступать в Московский, так что встречай, братец, племянницу. Злата – девочка бойкая, скучать не даст.

– Ну, как же я? Она? – залепетал Самсон в ужасе. Перспектива возиться с польской племянницей его вовсе не радовала. Лишние заботы, а главное, непредусмотренные траты. Гнусняк очень не любил непредвиденных расходов. Но придумать достойный предлог для отказа он не сумел. Звонок брата застал его врасплох. Повесив трубку, Самсон снова помрачнел. Хорошее настроение, пришедшее после затеи с художником Крюковым, улетучилось. Он крикнул горбуна

и, отменив баню, уединился в кабинете.

Злату Самсон видел пятнадцать лет назад полуторагодовалым ребенком. Тогда, делая девочке «козу», он и не предполагал, что ему придется много лет спустя исполнять по отношению к ней сомнительный родственный долг. Збигнев Гуревич – отец Златы – приходился Самсону сводным братом. В отличие от Гнусняка брат вел почтенный образ жизни профессора филологии. Точнее сказать, почтенный образ жизни являлся внешней оболочкой существования профессора, а на самом деле ученый муж был виртуозом мелкооптовой коммерции. Только один раз он из Закопан приезжал в Москву, но и то полдня сидел на конференции, а полдня бегал по магазинам. Умение Збигнева совмещать высокие интересы классической литературы с закупкой шмоток для спекулятивной продажи поражали даже выдавшего виды Гнусняка. Збигнев мог воодушевленно говорить о Шекспире, но, увидев дефицитный в Польше смеситель для душа, моментально в уме просчитывал выгоду от его перепродажи и, не прерывая мысль о значении Шекспира для польской культуры, тут же скупал на все деньги интересующий его товар. И, что самое интересное, он потом умудрялся все им приобретенное добро провозить, продавать и при этом замечательно себя чувствовать. Шекспир никоим образом не мешал побочному бизнесу, а наоборот, скорее облагораживал его.

Что собой представляет повзрослевшая Злата, вообразить

себе Гнусняк не мог. Одно он знал точно: девушка потребует расходов. Вряд ли расчетливый Збигнев выдал ей много денег. По словам кишиневского брата, в Польше никто понятия не имел, что девицу понесет в Москву. Она ведь направлялась в Молдавию. «Боже мой, надо было ей там и сидеть. Подумаешь, молдавский... Какого черта она так рано окончила школу, – думал Самсон, – ей ведь и семнадцати нет...» – прикинул он возраст племянницы.

В огромном доме Гнусняка имелась всего лишь одна комната для гостей. Знакомых Гуревич на ночь не оставлял, чтобы не кормить утром завтраком. Комната покрылась пылью и душила спертый воздухом. Гнусняк вызвал горбуна и приказал ему вымыть там пол и постелить для девчонки постель. Самсон начал вспоминать и подсчитывать своих польских родственников. Их оказалось немало. «Слава Богу, что девчонка тащится одна», – подумал он и, тяжело вздохнув, отправился к компьютеру.

Глава 9

А если кого мочить придется?

За столиком ели жареную картошку и пили пиво, которое прихватили по пути в палатке. Катя тянула янтарную жидкость, которая вызывала у нее самые омерзительные ассоциации, но вида не показывала.

– Что Дрессировщик задумал? – спросил Петя.

– Завтра увидим. Наше дело – выполнить то, что поручено, – ухмыльнулся Олег.

– А если кого мочить придется? – не унимался Рыгов.

– За пять баксов? Не думаю... – ответил Губанов.

– А за сто замочил бы? – продолжал допрашивать Петр.

– Чего привязался? Хлыста спроси, а то он больно молчалив, – огрызнулся Олег.

– И спрошу. Хлыст, ты за баксы можешь человека замочить? – Петя с интересом уставился на нового приятеля. Про Костю по кличке Хлыст они знали немного. Приехал из Питера. Тренировался. Кое-что может. Злой и невозмутимый. Лишнего не трепет. А что еще? Получается, что больше ничего.

Катя понимала, что ответа ждут и отмолчаться не удастся.

– Смотря кого мочить, – растягивая каждое слово, ответила девочка и подумала о новом мамином муже.

После «Макдоналдса» Петя предложил пойти в видеозал:

– Давайте порнуху закажем. Там новые кассеты есть. Негр оттягивается с белыми девками.

– Охота всякую дрянь смотреть, – заявила Катя, стараясь не выдать смущенного негодования. Она знала, о чем идет речь. Не робость к пошлому зрелищу вызывала ее неприязнь. Ее бесила скотская любовь, которую к тому еще и показывают за деньги. Неужели можно с женщиной обращаться, как с тупым животным? Получается, что некоторые это позволяют. И зря. Она против хамства и надругательства. Ради того, чтобы не оказаться самой в положении героинь этих лент, она и мечтала стать парнем.

– И вовсе не мерзость, – возразил Губанов, хотя лучше порезвиться не в кино, а по-настоящему.

– Скажешь тоже... – восхищенно проговорил Петр. – Ну пошли.

– Можно, – безразлично согласился Олег.

Катя с трудом сдержалась, чтобы не нагубить, но взяла себя в руки:

– Если вам охота, пошли.

Ребята прогулялись по веселой улице-ярмарке. Старый Арбат давно превратился в городской аттракцион. Тут можно было прокатиться верхом, сняться с живой обезьянкой, заказать свой портрет у художника. Вся улица была заставлена лотками с сувенирами, матрешками, в палатках предлагали военные шапки и морские бескозырки. Все дома,

как сплошной магазин, заманивали витринами с модными шмотками, антиквариатом, дорогими спортивными товарами. Видеосалон находился в центре улицы, недалеко от памятника принцессе Турандот. Золотая фигурка принцессы с лицом актрисы Юлии Борисовой сияла возле колонн Вахтанговского театра. Катя никогда не видела спектакля, не смотрела она и фильм «Идиот», где молодая актриса блестяще сыграла роль Настасьи Филипповны. Для Кати она была просто старушкой, которую иногда показывали в дни юбилеев театра и самой актрисы.

В полумраке видеозала все кресла были свободны. Губанов что-то пошептал парню-администратору, и тот, кивнув, быстро выбрал кассету и вставил в гнездо видеомаягнитофона. На экране появились пальмы, синие волны южного моря. Затем молодой человек в белом костюме медленно побрел по улицам веселого тропического городка. Он заглядывал в витрины, ему улыбались негры и мулатки. Перед входом в один из домов молодой человек остановился.

Катя напряженно ждала, когда начнется то, чего она боялась. Пока ничего непристойного на экране не происходило. Молодой человек не спеша вошел в дверь. Две раскосые девушки в легких платьицах улыбнулись гостю и сняли с него пиджак. Молодой человек прошел в комнату с небольшим фонтаном и круглым бассейном. Девушки легкими нежными движениями раздели гостя и повели в бассейн. Там они скинули свои платьица и остались только в прозрачных ша-

роvaraх. Намокнув от воды бассейна, шаровары обрисовали точеные фигуры девушек. Таитянки начали делать гостю массаж. Они массируют его своими крепкими грудками, и гость блаженно улыбался. Катя пыталась закрыть глаза или отвернуться, но ловила в себе желание досмотреть фильм. Массаж принимал все более откровенные формы, но ничего слишком пошлого и животного в этом Катя, к своему удивлению, не находила. Она не знала, что этот вид услуг на Востоке имеет свою давнюю историю и стал частью фольклора. А традиционные, почти ритуальные действия, больше смахивающие на танец, чем на физиологические процедуры, не могут быть пошлыми. Кате повезло. Фильм оказался просто красивым, с большой долей эротики. Грубого и хамского отношения к женщине в нем не показывали.

– Подумаешь, немного потеряли парня сиськами, – разочарованно протянул Петя, выходя из зала.

– Классные девчонки. Поедем соревноваться в Таиланд, обязательно схожу на такой массаж, – мечтательно пообещал Губанов.

Ребята распрощались и, напомнив, что завтра им предстоит вечером встретиться для неизвестного дела, разошлись в разные стороны.

Катя брела по Арбату. Фильм вызвал у нее странное и новое ощущение. Такого в себе она еще не знала. На улице зажглись огни. Под гитару запел парень в камуфляжной форме. Он пел почти детским голосом пронзительную пес-

ню о том, как чеченцы убили в бою его друга. Тоненький голос, наивные и душещипательные стихи не делали песню и исполнителя смешными. Наоборот, что-то по-настоящему трагическое нисходило на слушающих. Катя постояла возле парня, порылась в кармане и, найдя рублевую монетку, бросила ее в пакет у ног певца. Ей припомнились бездомные малыши в ее родном Питере. Она почти увидела этих маленьких старичков с пустыми зрачками недетских глаз. Вспомнила их безразличие к нормальным «домашним» прохожим. Затем подумала об отце и заспешила домой.

Уже лежа на диване и почти засыпая, Катя видела веселый южный город и раскосых смуглых девушек, делающих массаж молодому европейцу. Только этот европейец постепенно стал изменять внешность и из героя видеофильма превратился в Олега Губанова по прозвищу Кобра.

Глава 10

Панночка из Закопан

В одиннадцать утра Гнусняк отправился на Киевский вокзал. Поезд из Кишинева прибывал с получасовым опозданием. Гнусняк выругался и вышел на привокзальную площадь. Рядом с вокзалом расположился организованно-стихийный продуктовый рынок. Он держал самые низкие цены в Москве, потому что торговали на нем украинцы и все кому не лень, точнее те, кто мог туда просочиться, ибо с «гарными дивчинами» рядом не всякий сможет пристроиться. Вмиг вышибут. Украинские деньги были совсем слабые, и рубль для жителей «Самостийной» стал в некотором роде валютой. Гнусняк пошел по рядам. Долго и нудно торгуясь, он купил яблок, три кружка украинской колбасы и полкило шоколадных конфет типа московских «мишек», но в два раза дешевле. Конфеты он приобрел исключительно для племянницы, поскольку сам боролся с жировыми излишествами и от сладкого воздерживался. Но, когда лакомство оказалось под рукой, он не устоял и, развернув бумажку, закинул одну конфетку в рот.

Время на базаре шло незаметно, и Самсон едва не опоздал к поезду. Злата выпрыгнула из вагона одной из первых. Сумок и чемоданов при путешественнице не оказалось. Де-

вушка имела небольшой рюкзак, подвешенный на лямках за спину. Оделась польская племянница тоже не совсем обычно. Длинная вязаная кофта заменяла ей платье. На ногах у девицы были натянуты длинные вязаные носки и поражающие воображение огромные бутсы не то солдатского, не то альпинистского назначения. Голову венчала вязаная шапочка с рогами.

– Ты и есть Злата? – спросил Гнусняк, но в том, что перед ним племянница, не сомневался. Злата весело кивнула и со смешным шепелявым акцентом быстро «понесла» впечатления от поездки вперемежку с пожеланиями на будущее. Никакого смущения перед незнакомым дядей у девушки не наблюдалось. Вряд ли она запомнила Самсона, когда ей было полтора года.

Теперь же Злата желала в первый день Третьяковскую галерею, обед в «Макдонолдсе» и вечером посещение цирка. Такого напора Гнусняк не ожидал и поначалу немного растерялся. Но быстро взял себя в руки и сообщил племяннице, что он весьма занятой господин и программу, которую она наметила на один день, с трудом сможет исполнить за неделю. Кроме того, Гнусняк посоветовал девице сперва заняться делом и выяснить все об институте, а уж потом переходить к развлечениям. Но Злата, похоже, или не услышала слова дяди, или не поняла их. Усевшись в микроавтобус, она невинно спросила:

– Сейчас в Третьяковку?

Гнусняк выругался про себя и, взглянув в голубые глаза племянницы, ответил:

– Конечно.

По дороге Злата рассказывала, как ее отец переживает отсутствие любимой дочери. Гнусняк в это поверил с трудом. Он с утра позвонил в Польшу и доложил брату Збигневу о приезде дочери в Москву.

– Да? – переспросил Збигнев таким тоном, как будто ему сообщили за завтраком, что вместо сосисок подадут яичницу.

Потом Збигнев долго и деловито перечислял продукты, которые предпочитает дочь. Покупки на рынке Киевского вокзала Гнусняк делал с учетом данных из Польши советов.

Возле Третьяковки стояла толпа иностранцев. С трудом пристроив транспортное средство во дворе дома напротив, чтобы не платить за стоянку, Самсон направился к кассе узнавать насчет билетов. Злате он предложил подождать в автобусе. Билетов в кассе не оказалось. Их нужно было приобретать на Крымском валу в новом здании Третьяковской галереи. Он уже хотел вернуться с известием к микроавтобусу, как заметил Злату, беседующую с двумя молодыми иностранцами возле входа в галерею. Увидев дядю, племянница весело махнула ему рукой, призывая к себе. Оказалось, что она уже добыла два билета. Причем денег с нее не взяли, поскольку в группе туристов два человека отсутствовали, а их билеты попросту пропадали. Такой поворот событий Гнус-

няка более чем устраивал. Он подумал, что племянница у его – девица сообразительная, и этот факт немного успокоил. Хоть малая, но экономия...

В галерее Гнусняк не столько любовался живописью, сколько прикидывал цены на картины. В зале художника Серова, глядя на знаменитый портрет актрисы Ермоловой, его вдруг осенила блестящая мысль. Копии с картин известных мастеров, хранящихся в музеях, продать за подлинник трудно. Теперь большие музеи имеют свои каталоги в Интернете, и любознательному покупателю ничего не стоит туда заглянуть и убедиться, что предлагаемый шедевр своего места на стене музея не покидал. Но к каждой большой картине любой крупный мастер делал множество подготовительных этюдов. Иногда такие этюды были не менее ценные, чем сама картина. Это легко просматривалось и в залах Третьяковки. Огромное полотно Иванова «Явление Христа народу» поражало масштабом, но сама живопись на подготовительных этюдах была легче, виртуознее, сочнее. Огромная картина, прописанная тысячи раз, казалась рядом с этюдами сухой и мертвой. Свою коммерческую мысль Гнусняк запрятал поглубже. Приход в Третьяковку оказался полезным с деловой стороны. Он прикидывал, какие огромные деньги сможет получить, используя свою догадку.

Злата тем временем порхала по залам. Ее больше увлекали художники авангарда. Среди русских авангардистов встречались и польские фамилии. Это родоначальник аб-

стракционизма Кандинский, живописец Малевич и многие другие. Девчонка блаженствовала.

Глава 11

Мужское дело

Катя долго думала: как поступить? Что сказать отцу о своем предстоящем отсутствии? Катя не любила врать, поэтому решила сказать ту часть правды, которую знала сама. Дождавшись, когда отец вернется с работы, Катя усадила его за стол, накормила ужином из пельменей и кефира. Сама она перекусила раньше и теперь, дождавшись, когда умиротворенный дочерней заботой Сергей Андреевич готовился заехать к Телевизору, дабы насладиться футболом, сказала:

– Отец, мне предложили работу. С деньгами у нас напряженно, и я согласилась. Работа связана с моим спортом, и мне придется на какое-то время уехать.

Первым желанием Астахова было возмутиться. Денег у них и вправду немного, но и не так уж страшно их материальное положение, чтобы ребенок его выправлял. Но он сдержался. Ограничивать дочь он особого права не имел, поскольку целыми днями торчал в институте. Помолчав некоторое время и поостыв, отец сказал Кате:

– На еду и все самое необходимое нам хватает. Поэтому нужды в твоём заработке нет. Но если ты так решила и желаешь иметь свои деньги, я не возражаю. В чем будет состоять твоя работа?

– Сама не знаю, – честно призналась Катя. – Ее нам предложил тренер. Мне и еще двоим мальчишкам. Меня там тоже принимают за парня, поэтому не волнуйся, никаких глупостей не будет.

– Хорошо. Ты барышня взрослая, решай сама, – без энтузиазма согласился родитель.

– Опять ты! Никакая я не барышня! Я твой сын Костя. Пора бы уже запомнить, – недовольно проворчала Катя и принялась за сборы.

Отец молча следил, как она делает себе бутерброды, как закидывает в сумку джинсы и свитер. Когда Катя собралась и чмокнула отца в щеку, он попросил:

– Раз в день будешь мне звонить. Вот тебе на это деньги.

– Буду. Денег не надо. У меня есть, – ответила Катя и вышла на лестницу.

Катя уже разобралась с московскими расстояниями и прикинула, что до зала доберется за полтора часа. В метро дневной толчеи она не заметила. Да и публика изменилась. Не было безразлично деловых и усталых от недосыпа горожан. Никто не читал, не раздумывал, уткнувшись в кроссворды. В вагонах сидели парочки. Ехали целые семейства, видимо, в гости или на концерты. Одинокие мужчины и женщины выглядели понаряднее утренних и дневных. Но на пассажиров Катя внимания не обращала. Она думала о вещах гораздо более серьезных.

Глава 12

Она в домашней обстановке

В «Макдоналдс» они все же не пошли. Самсон категорически заявил – обедать в первый день приезда в Москву племянница должна у него дома. Продукты уже закуплены, тратить лишние деньги в американской забегаловке Гнусняк не желал.

Огромный дом с башенками не произвел на Злату никакого впечатления. Она разочаровалась, не обнаружив в доме бассейна и спортивного зала:

– Зачем, дядя, ты построил такой большой дом, если в нем нечем заняться?

Самсон проворчал, подразумевая, что ему не до спорта, а вместо бассейна у него есть джакузи.

– Джакузи – это приспособление для стариков, – убежденно заявила Злата.

Познакомившись с Тарзаном и весело рассмеявшись его прозвищу, племянница с горбуном моментально подружилась. Тарзан смущался, но исполнял прихоти девочки с видимым удовольствием. За обедом Злата попеняла дяде, что тот неважно готовит, и пообещала впредь заниматься обедом самостоятельно.

– Надо есть больше овощей, – сказала она, уминая кури-

ный окорочок с жареной картошкой.

Самсон размышлял о предстоящем похищении художника и не слушал щебетания племянницы. Злата скоро поняла, что дядя думает о чем-то своем. Она потеревила его за рукав и, потребовав внимания, заявила, что желает общаться с молодежью.

– По соседству живут нормальные ребята? – спросила она и, выпив стакан сока, полезла в сумочку. Самсон с удивлением наблюдал, как девушка достала пачку сигарет, извлекла из нее длинную тонкую сигаретку с золотым фильтром и капризно оглянулась по сторонам. Первым отреагировал Тарзан. Он зажег спичку, и племянница, удовлетворенно улыбувшись, пустила струйку дыма, закрученную в колечко.

«Однако, воспитание...» – подумал Гнусняк, но промолчал.

Было заметно, что девушка ведет себя привычно. Стало быть, в Польше курение семнадцатилетней барышни нареканий не вызывает. Когда дядя понял, что племянница требует от него сведений о местной молодежи, он разозлился:

– Я с соседями не общаюсь, – сердито сказал он, – нечего окружающим совать сюда нос.

– Ты живешь, как медведь в берлоге! – воскликнула Злата и, не дождавшись ответа, добавила: – Значит, я сама разберусь. Одна я сидеть не умею. Без друзей в доме как в гробу.

«Наглая девчонка», – решил Самсон. Ему вовсе не улыбалась перспектива наполнить собственный особняк шпаной,

которая все съест и изгадит. К тому же бизнес Гнусняка не подразумевал лишних глаз. В одной из комнат хранилась дедовская коллекция всевозможных подделанных шедевров. Самсон вздохнул. Не было печали! Сегодня вечером он собирался поглядеть на волчат из стаи Журова. Он предполагал встретиться с ними вне дома, чтобы сопляки не узнали его адреса. Вообще-то такая встреча была нежелательна, но Гнусняк понимал, что Журов может все дело прошляпить, поэтому контролировать работу Крюкова нужно ему. Лучше подстраховаться. А раз так, стало быть, общение племянницы с волчатами неизбежно. Теперь, когда в доме завелась неугомонная девица, Самсон решил принять пацанов у себя. Пусть девочка знакомится с молодежью. Эти хоть управляемы. Неизвестно, кого она подберет на улице и притащит в свою компанию. С незнакомыми людьми все может пойти бесконтрольно. Не запретишь же ей общаться со сверстниками.

Самсон набрал номер мобильного телефона Журова и услышал голос телефонистки. Та сообщила, что номер заблокирован. «Козел! За телефон перестал платить», – догадался Гуревич и с раздражением поморщился. Придется дать ему еще полтинник. После этих невеселых мыслей он связался со спортзалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.